

В период Великой Отечественной войны, особенно в первые годы, когда были оккупированы Украина, Белоруссия и часть территории Прибалтики, история с подростками повторилась. Я помню, как сбежав на фронт со своим другом Николаем Полыхановым, нам пришлось долго доказывать коменданту в Вологде, что мы не беспризорники. (В комендатуру нас привел капитан, дежуривший на вокзале.) Мы — рабочие, да притом квалифицированные, которые сделали ошибку по молодости, уехав с эшелонном, отправленным на фронт. В ответ получил помощь от капитана, сказавшего: «Сколько таких пацанов у меня бол — тается на вокзале. Я что как военный комендант должен их куда — то отправлять? А что, если они вши занесут в санитарный поезд?»

Нам повезло. Наш капитан сумел убедить майора — коменданта, доказывая: «Посмотри, майор, какие они беспризорники?! Прилично и чисто одетые. Это рабочий класс. Их, наверняка, уже ищут — они оставили свои рабочие места».

В 1942 г. в разгар Отечественной войны, когда решалась судьба государства, (это был период Сталинградской битвы), Военный Совет ВМФ, лично сам адмирал Кузнецов, приняли решение создать школу юнг и направить туда учиться пацанов, не только работающих на производстве, но и болтающихся и ворующих на вокзалах и базарах.

Из Североморска мы ехали в вагонах — «телятниках». Нас было человек 200. Привезли под Архангельск на какой — то остров. Рядом находилась широкая река — Северная Двина. Разместили прибыв — ших в одном из длинных барakov, стоявших на берегу. На этом ост — рове были причалы для океанских судов. Как помню, у одного из них стоял громадный с высочайшим бортом транспорт, по палубе кото — рого ходили матросы в совершенно непонятной для нас форме. На голове были береты (тогда береты мы не носили). Как выяснилось — это был английский транспорт.

Мы все были голодными, т. к. нас не поставили на воинское довольствие. Как сейчас помню страшную картину, английский матрос, отломив кусок хлеба от буханки, бросает жалким, грязным, оборванным пацанам, бросившимся за этим куском хлеба. Получается «куча мала», начинается драка. Кто — то сумел поймать кусок больше, кто — то мень — ше... Страшно! Несчастный русский народ!

Через два дня в одном из барakov мы стали проходить медицин — скую комиссию. Длинный коридор одноэтажного деревянного ба — рака, слева и справа двери кабинетов врачей — терапевта, хирурга, окулиста и т. д. Мы особенно боялись заходить в две последние комна —

ты. Там многие, проходившие медкомиссию, получали вместо желанного «1» балла — «0». В первой комнате сажали на стул, который начинал быстро вращаться. Сейчас мне как биофизику ясно, что таким образом проверяли наш вестибулярный аппарат, поскольку наша жизнь должна быть связана с морем, качкой и т. д. Что касается второй комнаты, то мне до сих пор не ясно, что там проверяли. Заходишь в темную комнату и слышишь голос — «Иди прямо, вытяни руки, нащупай штурвал. Сейчас будет авария. Корабль будет тонуть. Вращайте штурвал вправо». Вдруг на стене появляется изображение моря и тонущего корабля, слышен скре — жет металла, стоны. Я не повернул штурвал вправо, а со всей силой рванул его на себя. Зажегся свет. Вижу, висят какие — то консервные банки, эпидиаскоп и т. д. В общем, какая — то чушь. Кстати из — за этой суровой выдумки медиков многие подростки получили на талончике «0». Получив талончик с цифрой «1», в окне напротив вручают тельняшку — заветную мечту всех пацанов мира — она такая теплая показалась. По — лучил также бескозырку, правда, без ленточки. Это тоже великая радость! Вручили брезентовую робу, ее поставь — она стоит.

А вот куда делись ребята в свои неполные 15 лет, получившие сол — датское обмундирование? Узнать бы какова их судьба! Про матросов мне понятно, а про них нет. Погибли, наверное. Нас же передали на теплоход и мы дошли до Соловков. Когда мы плыли, многие пацаны, особенно те, кто был с Урала, из Сибири, не верили, что морская вода — соленая. Не верил в это и я. По — этому снял шнурки из бо — тинки, (бабушка купила мне их хорошие и их можно было поменять на целую буханку хлеба), привязал к шнуркам кружку, опустил в море и убедился — вода морская — горькая!

Пришли на Соловки. Вот только сейчас вспоминаю и думаю о том, кого набрали в юнги. У большинства из них образование было пять, шесть классов. И лишь у немногих — семь классов. Так Валька Пикуль имел всего пять классов образования. Поэтому после войны его, как и всех нас бывших юнг, направили в военно — морское учи —

